

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рассказывая в этой книге о людях и событиях, как военных, так и мирных, в некоторой степени личных, связанных с историей нашей семьи и всего рода Коневых, я с особым чувством произношу это строгое и такое значительное слово «отец», вкладывая в него не только свою любовь, но и уважение, и осознание масштаба личности Ивана Степановича Конева.

«Отец» — это и ассоциация с его любимым романом «Война и мир», в частности той сценой, когда Андрей Болконский посещает своего отца. Трудно вообразить, что стиль общения этих людей мог быть иным.

В нашей повседневной жизни я называла его просто папа, он меня лаконично Наташа, а в письмах — «дорогая дочь». Когда же отец начал прибалывать и у меня появился страх его потерять, я стала говорить «папочка». Хотелось длить и длить эти годы, месяцы, дни, проведенные с ним рядом. Когда я замечала его телесное угасание, у меня от страха замирало сердце. Хотя сознание отца было в полном

порядке, он старался успеть рассказать о важном, переломном, не разминиваясь на мелкие детали.

В течение работы над книгой, мне приходилось тесно соприкасаться с миром «большой истории», что требовало взгляда на многие события с определенной временной дистанции, поэтому я зачастую называла отца просто по фамилии — Конев.

Я выступаю всего лишь как повествователь, рассказывая о том, что мне известно со слов отца, мамы, близких и друзей семьи. В своей книге я широко использую отрывки из дневников и мемуаров отца. Большинство из них не были ранее опубликованы.

Мне было очень важно обратить особое внимание на те эпизоды жизни Ивана Степановича Конева, которые воссоздают портрет человека, воплотившего черты уникального, на мой взгляд, поколения. Поколения, которое участвовало в двух мировых войнах.

Но Конев был не только выдающимся полководцем. На протяжении всей жизни ему приходилось взаимодействовать с людьми, которые вершили судьбы нашей страны: Конев и Сталин, Конев и Хрущев, Конев и Жуков... Воспоминания и впечатления от этих встреч вы также найдете в книге.

В последний год жизни отец подарил мне только что вышедшую из печати книгу своих мемуаров «Записки командующего фронтом» с дарственной надписью, исполненной глубокого смысла, теперь она выглядит как своего рода завещание. Меня, двадцатилетнюю, сам текст книги тогда воодушевить не мог: военные мемуары, без соответствующих знаний, —

сложное чтение. Погружаться в серьезные материи в студенческие годы я была еще не готова, оправдывала себя тем, что со временем прочитаю-таки эти мемуары и смогу разобраться в том, что отец передавал нам как свое наследие. Так и вышло. Сегодня изучение написанных отцом книг стало важным делом моей жизни. Я неплохо ориентируюсь в емком архиве отца и время от времени погружаюсь в детали того или иного события, о котором идет речь в его воспоминаниях. Испытываю особую радость, если нахожу какие-то эпизоды, которые до сих пор не были известны. Случается, что разбирая рукописи и записные книжки, наталкиваюсь на удивительные, даже неожиданные послания: словно, спустя много лет, отец решил приоткрыть какие-то моменты своего бытия, и, обращая ко мне, повзрослевшей, приглашая к диалогу.

Так, например, я обнаружила фрагмент его размышлений о Толстом и совете в Филях из уже упомянутого мной романа Льва Толстого. Я хорошо помню, что отец сопоставлял события нашей первой Отечественной войны 1812 года, с теми что происходили на подмосковных полях осенью 1941 года. И в которых ему довелось участвовать. Сопоставлял, анализировал, эмоционально откликался. В тот период он был погружен в работу над статьей о битве за Москву. События тех дней он считал важнейшими в своем формировании как полководца.

А недавно я обнаружила записную книжку, почти не заполненную какими-либо заметками, и уже

собиралась отправить ее в дальний архив, как мое внимание привлек знакомый угловатый коневский почерк и любопытный текст. Он был о Сталине...

Конев написал о нем в середине 1960-х годов, когда готовил к печати свои мемуары «Сорок пятый год», и даже сделал отдельную главу «О Сталине», но разрешение на публикацию из ЦК он так и не получил. Пришел ответ: пока не желательно. Сегодня у читателей есть возможность познакомиться с этими воспоминаниями свидетеля эпохи, очень, кстати, сдержанного в оценках. Недаром стиль, выбранный отцом, — это стиль исторических хроник: он описывает только то, что сам видел и сам пережил.

В найденной записной книжке содержится оценка Коневым личности Сталина глазами югославского генерала Джиласа, с которым советский маршал встречался в 1944 году, когда войска 2-го украинского фронта находились в Северной Румынии. Вот что об этом пишет сам Джилас: «Когда я встретил маршала Конева — одного из главных сталинских командиров военного времени, имевшего репутацию человека сверхчеловеческой смелости и присутствия духа, я попытался выяснить некоторые особенно интересовавшие меня вопросы.

... А Сталин? — спросил я. Стараясь не показать удивления по поводу моего вопроса, Конев после короткого раздумья ответил: «Сталин всесторонне одарен. Он обладает блестящей способностью видеть войну в целом и это позволяет ему столь успешно руководить». Он не сказал мне более ничего, ни-

чего, что могло бы прозвучать шаблонным прославлением Сталина...».

Подобные «послания», кроме несомненной исторической значимости, оттеняют особенности личности самого отца, которого я, будучи поздним ребенком, знала уже не молодым, в его «осень жизни». Они привносят знания, которые по прошествии лет становятся для меня все драгоценнее. Например, в пачке листов о роли комиссара дивизии я нашла любопытный эпизод, повествующий о службе отца в далеком, как он выразился, «захолустном» гарнизоне в городе Р., в Белоруссии (тут никак не обойтись без оглядки на «Поединок» Куприна, который также был в списке почитаемых отцом литературных произведений).

«...Сами понимаете, какая там была культура, в этом городке, поэтому ее носителями в полном смысле слова являлись наши воинские части и те клубы, которые были при воинских частях. Мы собирали офицеров, их семьи в клуб не только в праздничные дни, а иногда и после работы, чтобы люди могли вместе провести весело время, чтобы произошла какая-то разрядка, чтобы и начальство, и подчиненные одинаково хорошо себя чувствовали, не было, так сказать, никакой робости.

И вот, когда я собрал такой первый вечер в гарнизоне, пришел на него, — увидел скованность невероятную: люди расселись вдоль стен, каждый офицер со своей супругой, — сидят, друг на друга смотрят и не знают, что предпринять.

Я не считаю себя ни массовиком, ни танцором, но я, как командир дивизии, лицом в грязь ударить не мог. Я взял и пригласил жену командира полка танцевать.

И стоило мне это сделать, как все остальные последовали моему примеру — и дело пошло, веселья, хоть отбавляй! А потом и до “русской” дело дошло. “Русскую”, кстати, я танцевал очень неплохо — тут уж я показал им класс. А потом можно и побеседовать с людьми, выслушать их мысли, пожелания и необязательно в официальном порядке, а в дружеском, товарищеском. Можно и пошутить, кого-то пожурить, поддержать и поставить в пример.

В последующем таких вечеров наши офицеры и их семьи с нетерпением ждали: будет ли следующий, придет ли командир дивизии?

Вспоминаю об этом с улыбкой, но это важно и в наши дни: командир не должен быть черствым, высокомерным и смотреть на людей свысока*.»

Уважение к людям — это тот совет, которому я всегда стараюсь следовать. Уважительное отношение к людям отец пронес через все войны. Неслучайно такой бескомпромиссный автор, как фронтовик Виктор Астафьев, признавался в одной из своих повестей, что когда Конев сменил другого командую-

* Здесь и далее стиль и пунктуация И. С. Конева сохранены. — *Прим. авт.*

щего, их, солдат, стали и одевать получше, и получше кормить. А один из заместителей Конева впоследствии вспоминал, что, приняв командование 1-м Украинским фронтом, командующий тут же решил отправиться в войска, чтобы своими глазами, а не по донесениям, посмотреть, что там происходит, познакомиться с людьми, с которыми потом доведется вместе воевать.

Отправился, уехал, улетел, сел в танк — я довольно часто обнаруживаю такие, полные динамики, чьи-то воспоминания о встречах с отцом на войне. Он был человеком чрезвычайно энергичным, стремительно передвигался по дорогам войны, чаще на «виллисе», который считался на фронте очень маневренной машиной. Даже в текстах приказов фигурировало слово «стремительность»: во время проведения Берлинской операции он требовал от подчиненных «смелого маневра и стремительности в действиях».

Немецкий генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, противник Конева на полях сражений, оставил для истории свое воспоминание о командовании Степным фронтом: «В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энергично, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра».

Не могу не упомянуть и рассказ писателя Саввы Дангулова, служившего военкором во время боев на Украине. Дангулов рассказывал, что после завершения Корсунь-Шевченковской операции он увидел

командующего фронтом Конева, который: «...Надев кожанку, пошел через заснеженный двор к танку, что казалось, стоял наготове, ожидая его. Звучит слово “вперед!”». К слову, ветераны-гвардейцы как-то написали отцу, что между собой так любовно и называли его — «наш генерал “вперед!”».

Уже в 1960-е годы, рассуждая с трибуны о ритме работы Министерства обороны, он заявил: «Темпы в работе в наше время должны быть значительно выше и соответствовать тем современным силам и средствам, мощь которых рассчитана на быстроту и безотказность действий. Затишье и благодушие недопустимы».

Подвижность, нацеленность на действие были природными чертами Конева. Иван Степанович был молод душой, и поэтому в конце жизни естественной потребностью для него стала поддержка молодежного движения (сродни нашему поисковому) — Штаба походов по местам боевой и трудовой славы. Отец проезжал по бездорожью на вездеходе многие километры и возвращался из поездок загорелый, бодрый, с молодым блеском в глазах.

И это тоже папина школа. Он всегда мне внушал, как важно в жизни состояться, трудиться и добиваться...

Храбрость, воля, энергия — несомненно важные качества командующего, но самое главное — настаивал отец — это умение управлять боем, военное искусство, которое требует, в том числе, вдохновения. Эти качества довольно часто упоминаются в его мемуарах.

Мне нравится образ, который однажды использовал отец, сопоставив командующего фронтом с дирижером большого симфонического оркестра. Дирижер хорошо понимает, в какой момент должны звучно проявить себя духовые, вся медь оркестра, а потом вступить флейты и кларнеты, в каком месте должны выводить мелодию скрипичные инструменты. Так и комфронта — он мастер маневра, у него каждый «инструмент», каждый род и вид войск вступает вовремя, добиваясь мощных победных аккордов...

Я всегда ощущала неподдельное восхищение отца талантами людей, причастных к созиданию нашей культуры, благодарна ему за возможность познакомиться с яркими личностями той эпохи. Уважение к творческим людям далеко не в последнюю очередь послужило для отца отправной точкой в создании собственных мемуаров.

В 1960-е годы в стране стали активно отмечать юбилеи Победы. Война, отдаляясь во времени, породила у фронтовиков желание обобщить свой опыт, создать живую летопись событий. Настало время воспоминаний, их писали в те годы и солдаты, и генералы, участники боевых действий и тыловики. Созревший в обществе интерес к мемуарам, в том числе крупных полководцев, очень тонко ощутил тогдашний главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский. Он с большой симпатией относился к отцу и присылал в знак уважения свои поэтические сборники. Сближало их и то, что отец в 1941-м воевал на Смоленщине, а Твардовский был

уроженцем этих мест, и они, встречаясь, вспоминали минувшее. Отцу нравился созданный Твардовским герой — Василий Теркин. В его кабинете висела вышитая шелком картина Юрия Непринцева «Отдых после боя», на которой неунывающий ни при каких обстоятельствах солдат подбадривает бойцов своими историями. В одном из присланных Твардовским сборнике есть надпись: «Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слово об этой книге».

В 1965 году, незадолго до празднования 20-летия Победы к отцу пришел Константин Симонов, который в то время работал в «Новом мире» у Твардовского, и предложил написать мемуары о войне для майского номера журнала. Отец поначалу засомневался и стал отказываться: я, дескать, солдат, а не писатель. Но Симонов настоял и предложил отцу не записывать, а наговаривать воспоминания на диктофон. Вы, мол, сначала наговорите, Иван Степанович, что считаете важным, а машинистка расшифрует и напечатает, потом останется только отредактировать текст. Именно таким методом нередко пользовался сам Симонов. Отец поддался на уговоры, но предложил Константину Михайловичу начать с интересующих его вопросов о войне. И вот потянулась череда насыщенных трудами дней, заинтересованными свидетелями которых были мы с мамой. Довольно регулярно раздавался звонок в дверь, появлялся Симонов в своем вязаном черном свитере, с трубкой, которую он посасывал, а не курил, в знак уважения

к некурящему хозяину, проходил в кабинет, и там начинались долгие беседы. Точнее, отец рассказывал, а Симонов оставался внимательным и чутким слушателем, время от времени подбрасывал острые вопросы. У меня до сих пор в архиве хранятся записи этих бесед. Отец доверял этому уравновешенному, рассудительному и хорошо осведомленному человеку. Видимо, Симонов откладывал в памяти и что-то для себя, для своих будущих книг. Уже после смерти писателя вышла книга «Глазами человека моего поколения», один из разделов которой — беседы с маршалом Коневым.

Впоследствии отец воспользовался методом Симонова. Будучи уже весьма нездоровым, он приступил к созданию второй книги мемуаров — «Записки командующего фронтом». Эта книга повествует о крупнейших операциях 1943–1944 годов, начиная с Курской битвы, в которой он командовал Степным фронтом, и заканчивая событиями, связанными с освобождением нашей страны и выходом на государственную границу на реке Прут.

На подготовку второй книги отцу пришлось потратить немало усилий. Помогали опытные редакторы, но ему все же требовалось посещать архивы, перечитывать множество документов, а он был уже болен. В 1972 году в издательстве «Наука» вышел в свет долгожданный том «Записок». Эта книга более сдержанная по интонации, чем «Сорок пятый». Отец оценивает действия фронтов, которыми ему довелось командовать, размышляет о стратегии, о свое-

образии полководческих решений в той или иной операции, о деятельности Ставки*.

В подаренной отцом книге мемуаров с памятным обращением к дочери есть и личный наказ: «Береги мать и сохраняй ее от всех превратностей судьбы». Словно предчувствуя испытания, те самые «превратности судьбы», коих будет немало и у страны, и у семьи, отец призывал сохранять свои корни, созданный им дом.

Мама вела дневник, в котором есть страницы, описывающие последние годы жизни отца. В тетради с ее воспоминаниями лежал листок, на котором ее рукой был записан удивительный текст. Я думаю, она нашла и выписала кем-то сформулированную мысль, которая совпала с ее мироощущением, пониманием своей роли в жизни и судьбе отца: «Я испытывала удивительное, волнующее чувство полноты жизни. У меня было какое-то смутное, неосознанное, но непреодолимое ощущение, что находясь рядом с ним, я соприкасаюсь с чем-то самым важным, и коль я ему нужна, буду с ним и буду ему помогать во всем, чем могу. Так работать, как он работал, отдавая себя целиком делу. Мне подсказывало чутье, что это человек великий, настоящий человек и друг».

Одним из важнейших достоинств моей матери была благожелательность и доброта по отношению к самым разным людям. Я не уверена, например, что

* Здесь имеется в виду Ставка Верховного главнокомандования. — *Прим. авт.*

большинство молодых жен, встретивших своих мужей на войне, сумели выстроить отношения с их уже взрослыми детьми от первого брака. В нашей семье большую роль, разумеется, сыграл сам отец, который, представляя маму своим детям, сказал: «Вот хозяйка, живите вместе с нами, я буду только рад, но уважайте ее. Если вас что-то не устраивает — уходите».

Про сугубо личные обстоятельства своей жизни отец не любил распространяться. Не принято было в нашей маленькой семье — папа, мама и я — вести беседы на тему «чувств». Я не посмела расспросить обо этом даже маму. К счастью, она оставила мне свой дневник, который начала вести еще на фронте. А что было в той, другой жизни отца, я знала расплывчато, фрагментами. И вдруг, взяв с полки книжку лирики Константина Симонова, разглядела на форзаце, в конце, торопливо написанную шариковой ручкой подборку названий понравившихся отцу стихов, так сказать, «избранное» от Конева: отец делал записи для себя, торопливо, сокращая названия, видимо, не предназначал их для чужих глаз.

В этой подборке есть стихи, описывающие вечные чувства: любовь, веру, предательство, жертву, — и, конечно, чувства целого поколения, пережившего ужасы войны.

Так получилось, что это «избранное» несет на себе печать некоей исповедальности, — ведь сам отец о своих чувствах не написал ни строчки, воспользовался поэтическими открытиями Симонова. Той же

шариковой ручкой, которой составил «избранное», он подчеркивает стихотворение «Чужая душа», находя в нем, судя по всему, отзвуки недавнего прошлого, болезненного, связанного с разочарованиями и обидами, нанесенными некогда любимой женщиной. Вникая в поэтические тексты, выбранные отцом, можно представить палитру эмоций, которые его тогда охватывали.

Я не могу во всей полноте проникнуть в течение жизни отца до войны, остались лишь немногие письма, фотографии, свидетельства. Теперь, с обретением этого лирического «избранного», появляется возможность предположить и оценить в какой-то степени оттенки сложных отношений с первой женой Анной, Нюрой, как он ее называл. На некоторых сохранившихся фотографиях она позирует в прекрасных нарядах, мехах — привлекательная, уверенная в себе женщина. Но есть и другие фото, на них — усталое, постаревшее в войну лицо, на голове — простая косынка медсестры. Были в их совместной жизни радости и расставания, и боль, и разлуки, но никуда не исчезла сила характера Анны, желание быть притягательной, ее искусство «держат всех в узде». Читайте подборку симоновских стихов и понимаю те душевные движения, что остались в памяти отца и обрели отчетливость благодаря поэзии. Отец писал ей письма с войны, с наказом «береги детей» и наставлениями повзрослевшей дочери Майе и сыну Гелию. Письма «от случая до другого случая», как у Симонова.

Безжалостная история, прописанная в стихотворении «Открытое письмо» с посвящением женщине из города Вичуга было выделено отцом как одно из самых запомнившихся, важных для него. Письмо-ответ боевых товарищей той, которая «не умела ждать». Интонация этого стихотворения имела отзвук и в личной судьбе отца. У Анны появилось новое увлечение, о чем отец знал, свидетельства этому остались в его письмах к Анне. Он тяжело переживал разрыв. А в лирике спустя годы нашел близкое настроение из того далекого прошлого и растворившихся чувств:

...Я не хочу судьбою быть,
Не все разлуку побеждают,
Не все способны век любить, —
К несчастью, в жизни все бывает...

Разумеется, отец включил в подборку и стихи, которые традиционно входят в «золотую копилку» военной лирики. Основная интонация некоторых стихотворений — переживание трагического опыта, полученного под Вязьмой осенью 1941 года, когда «в котле» оказалась часть войск Западного фронта. Кто пережил это, видел, осознал — «по гроб нам будет мил». Пусть просто скажет: «я там был».

Мама была именно таким человеком: в 18 лет ушла добровольцем на фронт, летом 1941 года оказалась подо Ржевом, получила контузию, и, волею судеб, встретила отца на Калининском фронте зимой 1942 года. Прошла с ним всю войну. На книге

мемуаров отец сделал надпись, в которой, воздав особое уважение, обратился к ней по имени-отчеству: «Антонине Васильевне, моей дорогой и любимой супруге, боевому другу, прошедшей со мной весь боевой путь во время войны, и бывшей заботливым другом в мирные годы — дарю на добрую память эту книгу. Преданный, любящий тебя Ко-нев». Свою книгу отец подписал и подарил маме 9 мая, в этот, навсегда самый главный, памятный день — и для нас, и для нашей страны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДО ВОЙНЫ



КОРНИ

Мой отец — крестьянских корней. Я доподлинно знаю о его происхождении, знаю имена своего прадеда, прабабушки, деда и бабушки, поскольку, несмотря на все революционные потрясения и реформы, удивительным образом до наших дней сохранилась подлинная церковная метрическая книга, в которой отмечено число рождений, крещений и смертей в близлежащей округе. На потемневшей от времени плотной бумаге пером и чернилами сделана запись за 1897 год: «Часть 1-ая, о родившихся. Мужескаго пола. 106. Рождения декабря 15. Крещение 16. Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания. Деревни Лодейной крестьянин Степан Иванов Конев и законная жена его Евдокия Степанова. Оба православного вероисповедания».

Название деревни, в которой родился отец — Лодейно. С незапамятных времен ее обитатели строили лодьи (лодки по-старому) на реках Пушма и Во-

лосница, а дома стояли в Лодейно на большаке (на тракте, как любил говорить отец), ведущем из Котельнича в Великий Устюг.

Деревня в конце XIX века входила в состав Никольского уезда Вологодской губернии, а основным богатством этого края был и остается лес. Это лесная Россия, ее суровый север, с потрясающими хвойниками и голубым мхом, который словно ковер устилает тайгу. Такого красивого сочетания красок — глубокой зелени хвои, белых стволов берез и голубизны стелющегося мха — нигде больше я не встречала. И хотя земли Никольского уезда — это действительно Русский Север, но по иронии судьбы их принято называть «поюжьем», обозначая таким образом пространственный ориентир — земли на реке Юг. В бассейне Юга селились в древности племена финно-угров, затем пришли славяне, новгородцы, и в течение долгого времени происходило перемешивание многих этносов.

Я хорошо помню, как отреагировал отец на художественно оформленное писателем Борисом Полевым описание его корней:

«Что Вы все время величаете меня “северянином”? Что я, чукча или эскимос? Уверяю Вас, моя Вологодская губерния граничит с Тверской на востоке. Так я Вас тоже могу причислить к каким-нибудь эвенкам или чухонцам, может быть, и еще к кому-нибудь? Как обидно, что за столько лет Вы даже не знаете цвет моих глаз. Уверяю, они для ли-

тературы звучат более красиво, чем “серые”. Откровенно написал — не обижайтесь. Ради Вашего авторитета».

Действительно, у отца были удивительного голубого цвета глаза. Даже в последний год жизни они сохраняли эту глубокую голубизну, несмотря на тяжелую болезнь, от которой он медленно погибал.

У моего отца гораздо больше земляков, чем это можно представить, исходя из анкетных данных о месте рождения. Его малая родина — своеобразное «порубежье» — входила некогда в состав Вологодской, затем Северодвинской губернии и, наконец, в XX столетии стала составной частью Подосиновского района Кировской области.

Вспоминаю, что на полках книжного шкафа отца стояли очень важные для него издания: «Кировчане — Герои Советского Союза» и «Вологжане — Герои Советского Союза», и в обоих значилось его имя как знатного земляка. Видимо, понимая свою «всепринадлежность» этой земле в послевоенной биографической справке о своем происхождении он записал следующее:

«Родился в 1897 году в деревне Лодейно, Подосиновский район, Северный край, в семье бедного крестьянина. Окончил сельскую школу и дальше учиться не мог из-за отсутствия средств и работников в семье. С малых лет работал в хозяйстве

отца, когда мне было 12 лет, пошел на отхожие заработки по выработке и сплаву леса, так как это единственный заработок в нашем крае».

В родной деревне отца — Лодейно сохранился дом, построенный в середине 80-х годов XIX века дедом Конева, тоже Иваном Степановичем, хотя деревенские называли его Ваней Епишной — по имени матери Епифании. В России существовала традиция называть детей, рано потерявших отцов, по имени матери. Дом представляет собой деревянный сруб, пятистенок, рубленный из крупных сосен, с двускатной крышей. В нем были сени, хозяйственные пристройки и большая горница. Украшает фасад дома балкон на фигурных балясинах.

Когда я приезжаю на родину отца и вхожу в этот старый, но крепкий дом, испытываю чувства, которые довольно трудно описать, и все же главным ощущением остается «пыль веков», атмосфера, которая в доме присутствует, хотя в нем уже давно никто не живет, это теперь музейный комплекс.

Наклонившись, чтобы не удариться о низкую притолоку, вхожу в дом, ступаю по рукотворным половикам. Как правило, их здесь, как и много веков назад, изготавливают из ветхих тканей, которые разрывают на полоски, а потом сшивают.

Направляюсь в красный угол, зажигаю лампадку перед иконами, всегда это делаю, подаю знак — дом снова обитаем. В красном углу, у божницы, висят прекрасные вышитые полотенца, традиционные для

этих мест: стилизованные изображения птиц, зверей, своеобразные обереги дома.

В горнице стоит кровать, покрытая покрывалом с кружевным подзором и вышивкой: Вологодчина — край искусных кружевниц, здесь ткут кружева по старинному образцу, с помощью деревянных коклюшек. Кровать, конечно, более позднего времени. Папа рассказывал, что в деревнях спали на печках, сундуках, лавках, а чаще всего на полотах*, — в доме отца они сохранились. В детстве он предпочитал поживать именно на полотах — там теплее, уютнее и никто не мешает на своего рода «втором этаже».

Вообще-то из предметов интерьера старого дома почти ничего не сохранилось. Энтузиасты-музейщики собирали вещи по домам деревни Лодейно и окрестным селам. Говорят, что подлинно коневским является большой самовар, возле которого собиралось пить чай все большое семейство — четверо сыновей и дочь.

Очень люблю прикоснуться руками к традиционной русской побеленной печи. По народным поверьям, именно здесь, за печкой обитал домовый, покровитель домашнего хозяйства. На одном из юбилеев отца кто-то из деревенских приготовил нам в русской печи невероятное блюдо — томленный творог из топленого молока в керамическом горшке. Моя дочка Даша, которая впервые была на родине деда, до сих пор вспоминает эту трапезу в деревне.

* Полати — лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянные настилы, сооружаемые под потолком. — *Прим. авт.*

Ушла из жизни мастерица, умудрившаяся изготовить это лодейское лакомство, да и русские печи в деревне со временем все реже и реже используют для приготовления пищи.

О роде Коневых из деревни Лодейно более всего был осведомлен двоюродный брат моего отца Василий Нилович Конев. Он часто приезжал к отцу в Москву из Киева, где осел после войны, достойно отслужив в авиации. Статный, высокий, с командирским громким голосом, с сильным характером, этот человек нес в себе породу «служивых Коневых». Те родовые качества, что были так хороши у многих Коневых, на военной службе проявлялись в полной мере, ну а в дяде Васе особенно.

Историю рода, уходящую в глубь веков, Василий Нилович изучил основательно. Мой рассказ о «корнях» в основном сложился из его воспоминаний, а также из рассказов нескольких представителей семьи Коневых.

Патриарх рода — дед моего отца, тоже Иван Степанович, был, что называется, крепким хозяином и человеком предприимчивым: занимался торговлей, имел бакалейную лавку, трактир, ямскую станцию.

У Ивана Степановича было пятеро детей: Степан, Федор, Григорий, Дмитрий и Клавдия.

Мой дед Степан Иванович был старшим. Когда смотришь на его фотографию, кажется, видишь перед собой какого-то образованного земского интеллигента. Приятное лицо с бородкой, открытый взгляд, умное, выразительное, фактурное лицо. Никогда не скажешь,

что этот человек был нрава непростого, с гордыней, а случалось, проявлял заносчивость, да и еще попивал изрядно.

Федор Иванович Конев был человеком в деревне знаменитым. Он служил в Санкт-Петербурге в Императорской гвардии в Кавалергардском полку, дослужился там до звания младшего унтер-офицера. Его взяли в эти элитные войска в том числе благодаря отличным физическим данным: высокий, выше среднего роста, голубоглазый, светловолосый, атлетического сложения. Важную роль сыграло и социальное происхождение — парень был из обеспеченной крестьянской семьи. После демобилизации уездное начальство рекомендовало его на должность волостного урядника. Федор был очень строгим человеком, даже по отношению к своим деревенским, служакой, с тщанием выполнявшим свои обязанности, — словом, гроза.

О нраве своего дяди Федора мой отец вспоминал в беседах о прошлом с писателем Борисом Полевым. В руки школьника Ивана Конева попала как-то брошюрка о революции 1905 года. Любивший читать 13-летний мальчик вряд ли понял крамольную суть изложенного, но выводы все же сделал. На карте, что висела на стене в доме Коневых, на соответствующих государственных территориях были размещены изображения царей, правителей, королей, президентов тех или иных стран. У двух из них — русского царя и японского микадо — Иван выколол глаза. В этот момент в дом брата неожиданно нагрянул урядник

Федор. Увидев содеянное племянником, он пришел в ярость. Нашел революционную брошюру и закричал: «Кто это читает? Чья она?». Иван тихо ответил: «Я». Дядя в негодовании замахнулся и ударил Ивана брошюрой по лицу. «Степан, я эту книжку у вас изымаю. Если твой щенок еще что-нибудь такое учинит, узнаю — обоих посажу», — заявил Федор. Эту сцену у карты и резкий нрав своего дяди Иван запомнил навсегда. Но впоследствии вспоминал о служебном рвении Федора с уважением, — тот выполнял свой долг, предан был царю и Отечеству до конца. В коммуны, которая возникла в 1920-х годах на базе имения купца Попова, Федор, в отличие от Степана, бывшего одно время даже старостой коммуны, не пошел. В годы революционных изменений Федор вел себя тихо, но, видимо, тосковал, и в расстройстве, будучи нрава крутого, нередко бил свою жену. И вот однажды, когда Федор был на дальнем сенокосе, к нему в дом приехал следователь и уговорил жену написать признание, что ее муж занимался рукоприкладством. Эта бумага стала поводом для привлечения Федора Конева к суду, он был осужден и отправлен в Великий Устюг отбывать срок в тюрьме, где вскоре и умер.

Самым любимым дядей отца был Григорий, младший брат в семье Коневых. Разница в возрасте была невелика, и они вместе играли, ходили по грибы, рыбачили и озорничали, конечно. Служить Григорий, как и Федор, отправился в Императорскую гвардию, дослужился до младшего унтер-офицера и удостоил-

ся высокой награды — стоять на посту №1 у спальни императора Николая II. В спальню, рассказывал Григорий, вел длинный коридор, а перед входом стоял офицерский караул. Вооружение часового — винтовка с патронами и палаш.

Входить в спальню императора дозволялось государыне императрице и министру внутренних дел: их часовой знал в лицо. В праздничные дни император подавал часовому руку и дарил серебряный рубль. Этот рубль Григорий хранил и с гордостью показывал родным.

Во время Первой мировой войны дядя Гриша участвовал в составе Императорской гвардии в боях против немцев в районе Мазурских озер. В этом районе ситуация складывалась для наших войск неблагоприятно, и император вынужден был бросить свою гвардию в прорыв. В ходе боевых действий большая часть офицеров была убита и ранена. Григорий Конев взял командование ротой на себя, два раза водил роту в штыковую атаку, за что был награжден двумя Георгиевскими крестами и медалями и направлен в школу прапорщиков. Но на офицерские командные должности назначали только людей дворянского происхождения, поэтому прапорщика Григория Конева послали воевать на Юго-западный фронт. Он стал участником Брусиловского прорыва и получил за проявленную доблесть и мужество третий Георгиевский крест, медали и звание подпоручика.

Еще один брат отца — Дмитрий Конев также расстался с крестьянской жизнью. Он уехал в Архан-

гельск на лесную биржу, трудился простым рабочим, потом мастером, построил дом на понтонах в 150 метрах от берега судоходного русла Северной Двины, Маймаксе. Именно к дяде Дмитрию отправили моего юного отца, как тогда говорили, в люди. С караваном плотов он прибыл в Архангельск к дяде. Тот жил небогато, но племянника принял, разместил и помог устроиться табельщиком на пристани.

Так откуда был родом мой отец, из какой семьи происходит? Теперь с шуткой отвечаю — с родины Деда Мороза. Как известно, это земли Русского Севера, морозная русская тайга.

Свой вариант ответа прислали мне мои земляки — уроженец этих мест поэт Михаил Рыбин разрешил все сомнения в том, где дышит «почва и судьба», написав такие строки:

Вологодские, вятские —
Все мы крови одной,
Наши судьбы солдатские
перевиты войной...

УНТЕР-ОФИЦЕР ЦАРСКОЙ АРМИИ

Во время отдыха в санатории «Барвиха» мама записала рассказ отца о дореволюционных событиях. Эта запись с небольшими сокращениями публикуется впервые.

«...В мае 1916 года я был досрочно призван в царскую армию. Через полгода призвали и моего отца, в ополчение. Призывной пункт находился в городе Никольске. Я был парнем крепким, сильным, физически развитым, и меня решили определить во флот, что меня вполне устраивало, но уже на вторые сутки меня отправили в пехоту, в 212-й полк в город Моршанск. Тут я прошел свои армейские “университеты”: то ефрейтор приказывал сапоги ему чистить, то сосед по казарме оплеуху норовил вклепить, то с температурой 40° отправили на покос, нужно было запастись сеном для армейских нужд. Но служба в армии многому и научила. Я освоил все оружейные и строевые приемы. Однажды в часть, где я служил, навелись офицеры, чтобы отобрать людей в школу пра-

порщиков. Меня отобрали в артиллерию, определив во 2-ю запасную тяжелую артиллерийскую бригаду в Москву на Ходынку. Я получил специальность фейерверкера. Никаких поблажек во время службы нам не давали. Я должен был готовить все данные к стрельбе, делать расчеты. Пришлось взяться за учебу, хорошо освоить геометрию, тригонометрию.

В Москве во время службы во 2-й запасной бригаде я стал свидетелем начавшейся Февральской революции. Однажды мне в руки попала газета "Русское слово". Помещенные в ней материалы были восприняты как правда, которую от нас долго скрывали: о нравах царского двора, о царице-немке, о Распутине, об упадке, который охватил Россию. Газету "Правда" тоже иногда добывал и внимательно читал.

Временное правительство готовило военные действия на юго-западном направлении. Стали готовить вооружение, оно, кстати, было английское. Вооруженные и оснащенные части отправляли под Тернополь. Наш дивизион задержали под Киевом, там нас стали обучать, повышать нашу боеготовность. А в это время в Киеве захватила власть Украинская Рада. Ночью гайдамаки произвели налет на наши части и всех русских разоружили. Я спрятал шашку и наган под полушубком, мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на Родину».

РОМАНТИКА РЕВОЛЮЦИИ

«...После демобилизации из царской армии в декабре 1917 года я вернулся в свое родное село Лодейно. В наших краях в то время еще существовали земские управы. Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взялись за организацию советской власти в своей Щеткинской волости Никольского уезда. Не скажу, что все шло гладко, но у нас было большое желание произвести революционные преобразования, и нам удалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были народ слабо подготовленный. Говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки — “Азбуки коммунизма” под редакцией Бухарина и Преображенского.

В 1918 году был создан боевой революционный отряд, и я был назначен его начальником. У меня до сих пор хранится фотография того первого революционного отряда. Красной Армии тогда еще не

существовало, а вооруженная сила была необходима, нужны были надежные люди, которые были бы способны продолжать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали свое отношение к революции конкретными делами.

На первых порах в отряде было двадцать пять человек, а в последующем — около ста. С этим отрядом я выехал в волость. Чутье мне подсказало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой, ведь многие из восставших еще не разобрались, что за события произошли в России, что такое революция».

Г.М. Пинаев, земляк моего отца и большой друг нашей семьи, вспоминал эпизод, когда отец, вернувшись с фронта, приехал в город Никольск, центр уезда, устанавливать советскую власть. Будучи уездным военным комиссаром, он получил приказ ликвидировать вспыхнувший в пяти волостях уезда контрреволюционный мятеж. «Иван Степанович, — рассказывал Геннадий Михайлович, — в унтер-офицерской школе получил специальность артиллериста-вычислителя, поэтому умел пользоваться угломерными инструментами. Вот он и решил вдвоем с помощником под видом уездного землемера провести личную разведку и установить силы и расположение бунтующих. Так на тарантасе они и объехали эти волости, выяснили, что активных бунтарей мало, поддержки насе-

ления нет, поэтому открывать боевые действия нет необходимости, достаточно лишь арестовать зачинщиков. Что и было затем сделано».

Меня в этой истории поразил тот факт, что двадцатилетний комиссар, имеющий в своем распоряжении сотню солдат и два пулемета «Максим», не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнем и мечом защищающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошел в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, казалось бы, кровопролитие.

В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры, где бы он ни служил: «там, где можно обойтись без лишней крови, надо это сделать, даже если это опасно для собственной жизни!».

В разработанной отцом «Памятке комиссара» 1924 года есть такие слова: «Место комиссара в бою там, где всего труднее, где гуще всего огонь, где всего свирепее вражеские атаки... Личный пример комиссара — важнейшее средство воздействия на поведение личного состава».

Военком из Никольска Конев попал на фронт благодаря настойчивым просьбам и рапортам. В Никольске он формировал и отправлял на фронт молодежь Советской республики маршевые роты. Он делал в тылу все, что мог, но его тянуло туда, где люди сражаются, отстаивают независимость своего государства с оружием в руках, бьются с войсками иностранных интервентов, которые обступают со всех

сторон, — отец стремился попасть на фронт. И вот однажды один из рапортов попал в руки военного комиссара губернии Михаила Васильевича Фрунзе. «Ну что же, — сказал Фрунзе, глядя на подтянутого, широкого в плечах, светловолосого парня, — поедете на фронт, раз так настаиваете. Фронтов много, и везде нужны военные люди, преданные революции. Поедете во главе отряда земляков. Командуйте. Желаю успеха».

В архиве отца сохранилась пожелтевшая от времени газета «Плуг и молот» от 18 июня 1918 года. В ней есть такие строки: «14 июня из города Никольска отправился на фронт добровольцем один из лучших, честных, всей душой преданных революции, организатор ячейки коммунистов, военком, дорогой товарищ Конев И.С.».

ПЕРЕПРАВА ДЛЯ БРОНЕПОЕЗДА

Воевать отцу довелось в незнакомых, чужих местах. В качестве комиссара бронепоезда № 102 он оказался на Восточном фронте, за Уралом и в Сибири.

Созданные специально для ведения боевых действий вдоль железных дорог, бронепоезда отличались великолепной маневренностью и в то время были большой силой, заменяя собой и артиллерию, и танки. Можно только представить, какое впечатление производила мощная стальная махина бронепоезда «Грозный» с «железным экипажем», как писали в революционных газетах, двигаясь на восток впереди наступающего красного фронта. Один невероятный случай из истории того времени отец часто вспоминал как пример подвижничества и риска.

Отступая, отряды Белой армии взорвали железнодорожный мост через Иртыш. А на другом берегу воевали отряды красных, которые перешли туда по замерзшей реке. В ходе тяжелых боев красноармейцы несли потери, нужна была помощь бронированной силы. Мост через Иртыш быстро не восстановить,

поэтому было решено переправить бронепоезд на другой берег, проложив рельсы прямо по льду. Невозможную, казалось бы, задачу удалось решить всего за сутки! А когда бои завершились, отец смог вместе с командиром и отрядом осмотреть Омск, отбитый у адмирала Колчака.

Отец рассказывал, что в годы Великой Отечественной войны, когда перед ним вставали, казалось бы, непреодолимые препятствия, он всегда вспоминал этот эпизод на Иртыше.

«...Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев — народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не особенно сплоченный. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой.

С этим бронепоездом я прошел путь от Перми до Читы, всю Сибирь и Дальний Восток. Бронепоезд был на хорошем счету. Мне удалось сплотить очень хорошую партийную организацию. Наступление тогда велось главным образом вдоль железной дороги, бронепоезд часто был центром боевого порядка наступающих войск. Он двигался по железной дороге, а справа и слева от него шли цепи “Красных орлов” и другие полки 29-й, 27-й пехотных дивизий...

Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулеметов, врывался на станцию, прокладывая путь огнем,

а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населенными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена Гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьезной преградой. Все же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули — по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бои не только с белогвардейцами атамана Семенова, но и с японскими самураями. И сейчас вижу то поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н. А. Каландаришвили. Бывший ссыльный революционер Каландаришвили был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семенова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гонгота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было

принимать ответственное решение — бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гонгота была взята.

С бронепоезда меня перевели комиссаром стрелковой бригады Второй Верхнеудинской дивизии, потом комиссаром этой дивизии, затем я продолжал борьбу с семеновцами, белогвардейцами и японцами в должности комиссара штаба Народно-Революционной армии ДВР, которой командовал Василий Константинович Блюхер. Я работал совместно с ним почти год и закончил Гражданскую войну на Дальнем Востоке комиссаром 17-го Приморского корпуса. (К этому времени уже был освобожден полностью Дальний Восток и с ним город Владивосток)».

От армейских партийных организаций Дальнего Востока отец был избран делегатом X съезда РКП(б). Вместе с ним в одном купе в Москву приехал комиссар Александр Булыга, который впоследствии стал известен как писатель Александр Фадеев. Узнав о вспыхнувшем в Кронштадте мятеже, они вместе, в числе трех сотен добровольцев, тут же отправились в Петроград. Революционный энтузиазм был настолько велик, что все, начиная от руководившего операцией Тухачевского до рядовых бойцов, горели

одним желанием: поскорее покончить с мятежным Кронштадтом.

Когда гарнизон Кронштадта сложил оружие, делегаты партсъезда (те, кто остался в живых) вернулись в Москву. В Свердловском зале Кремля Ленин сделал сообщение о замене продрозверстки продналогом, по существу повторив свой доклад на съезде. После его выступления кто-то из делегатов предложил сфотографироваться. Ленин охотно согласился.

В архиве отца бережно хранилась эта историческая фотография.